

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

На правах рукописи

БОЛТАЧ Юлия Владимировна

«ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ДОСТОЙНЫХ МОНАХОВ
СТРАНЫ, ЧТО К ВОСТОКУ ОТ МОРЯ» (XIII в.)
КАК ИСТОЧНИК ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2007

Работа выполнена в секторе Дальнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
МАРТЫНОВ
Александр Степанович

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук
ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ
Маргарита Иосифовна
(сектор Южной и Юго-Восточной Азии СПбФ ИВ РАН)

кандидат исторических наук
СИМБИРЦЕВА
Татьяна Михайловна
(Московский государственный лингвистический университет)

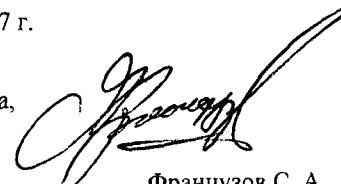
Ведущая организация:
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Защита состоится 12 октября 2007 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.041.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «08» сентября 2007 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Французов С. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (*Хэдон косын чон*, далее — ХКЧ), составленные в начале XIII в. буддийским монахом Какхуном, представляют собой самый ранний сохранившийся до наших дней памятник средневековой корейской буддийской историографии. Произведение Какхуна написано на литературном китайском языке (*ханмун*) и включает в себя авторское предисловие, а также восемнадцать биографий выдающихся корейских буддистов IV—VII вв.

ХКЧ принадлежит к числу немногих источников, откуда можно перчерпнуть сведения о раннем этапе истории буддизма в Корее. Этот памятник проливает свет на многие вопросы, связанные с древнекорейскими религиозными представлениями, путями проникновения буддизма в Корею, способами адаптации этого учения к местной системе верований, а также изменениями, произошедшими под влиянием буддизма в духовной и материальной культуре раннесредневековых корейских государств. Кроме того, в ХКЧ уделяется значительное внимание обширным межкультурным контактам корейских буддистов, совершивших паломничества в Китай и Индию. И наконец, сочинение Какхуна дает нам наглядное представление о формировании отношений между буддийской общиной и государственной властью, которое происходило в Корее на фоне двух синхронных исторических процессов: распространения буддизма в стране и становления системы управления, ориентированной на китайскую модель государственности. Таким образом, ХКЧ может быть использован для изучения не только корейской буддийской традиции, но и истории Кореи вообще.

Степень разработанности проблемы. Научное изучение ХКЧ началось в 1910-х гг., когда была найдена сохранившаяся часть этого произведения. В последующие десятилетия сочинение Какхуна неоднократно издавалось на языке оригинала, а также переводилось на другие языки. В числе кореязычных публикаций этого памятника следует упомянуть перевод ХКЧ, выполненный южнокорейским автором Ли Пёнхуном (Сеул, 1975). Эта работа почти лишена комментария и не очень точно передает исходный текст, но зато снабжена весьма интересным введением, в котором приводится подборка цитат из сочинений средневековых авторов, упоминающих Какхуна в своих произведениях. К переводу приложена фотокопия одного из списков ХКЧ.

Изучением ХКЧ многие годы занимался также южнокорейский исследователь Чан Хвиок, перу которого принадлежит фундаментальное критическое издание этого памятника «Исследование “Жизнеописаний достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря”» (Сеул, 1991),

включающее в себя, кроме весьма точного корейского перевода, большую вводную статью, в которой скрупулезно перечисляются (но, к сожалению, практически не анализируются) различные факты, связанные с историей этого памятника и личностью его автора. В состав приложений входят полные фотокопии двух рукописей и одного раннего издания ХКЧ, а также таблица расхождений между различными текстологическими вариантами этого сочинения. Впоследствии перевод Чан Хвиока был переиздан в составе сборника «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря. Жизнеописания наставников Восточного [государства]. Разыскания [о школах] Сон [и] Кё великого Восточного [государства]. Записки [о] монахах [и] монахинях Восточного государства» (Сеул, 1994).

Кроме этого, имеются еще два корейских и один японский перевод ХКЧ.

Единственным известным нам переводом ХКЧ на западный язык является работа американского исследователя Питера Ли: *Lives of Eminent Korean Monks. The Haedong Kosung Chöp. Tr. with an introd. by P. H. Lee. Cambridge, Mass., 1969*, содержащая подробный текстологический и литературоведческий комментарий к произведению Какхуна. Вместе с тем, предлагаемый этим автором английский перевод памятника представляет собой скорее его пересказ, а вводная статья содержит ряд спорных высказываний, касающихся надежности ХКЧ как исторического источника.

К сожалению, произведение Какхуна до настоящего времени оставалось практически вне поля зрения отечественных корееведов. Ни перевода ХКЧ на русский язык, ни специальных исследований, посвященных этому памятнику, до сего дня не существовало. Краткое упоминание о ХКЧ содержится только в «Очерках истории корейской литературы до XIV в.» М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич (М., 1969). Кроме того, общая характеристика ХКЧ приводится в «Истории корейской традиционной литературы» А. Ф. Троцевич (СПб., 2004), где дается справка об истории текста этого сочинения, рассматривается его структура, а также анализируются формальные и содержательные изменения, которые Какхун внес в сложившийся на Дальнем Востоке жанровый канон жизнеописания.

В работе над переводом и комментарием ХКЧ нами широко использовались уже опубликованные на русском языке источники по ранней истории Кореи, в частности — официальная хроника «Исторические записи трех государств», переведенная в 1959–2002 г. группой исследователей под руководством М. Н. Пака. Нами также привлекались переводы отрывков из еще одного памятника средневековой корейской историографии — «Деяний, оставшихся [от] трех государств», выполненные преимущественно М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. Кроме того, в работе нашли свое место изданные еще в середине XIX в. Иакинфом Бичуриным материалы китайских династийных историй, касающиеся сопредельных с Китаем государств. Важным источником нашего исследования, наконец, послужил

частичный перевод одного из китайских прототипов ХКЧ — «Жизнеописаний достойных монахов», осуществленный М. Е. Ермаковым.

При реконструкции исторического фона описываемых в ХКЧ событий нами использовались, кроме первоисточников, разнообразные вторичные исследования, в первую очередь — работа С. В. Волкова «Ранняя история буддизма в Корее» (М., 1985), в которой оцениваются по преимуществу социо-политико-экономические последствия, которые имело принятие буддизма для раннесредневековых корейских государств. Определенные сведения по истории буддизма были также почерпнуты нами из монографий отечественных исследователей М. В. Воробьева, С. О. Курбанова, В. М. Тихонова и др. Во всем остальном нам приходилось опираться на работы зарубежных специалистов: южнокорейских буддологов Ким Ёнхэ, Хан Киду, Ан Кехёна, их западных коллег Р. Басвелла, Л. Ланкастера и других авторов. Что касается философско-идеологических аспектов буддийского учения, то мы ориентировались здесь, главным образом, на труды санкт-петербургских буддологов: Е. А. Торчинова (китайский буддизм), В. И. Рудого, Е. П. Островской, Т. В. Ермаковой (классическая буддийская философия). Кроме того, нами были использованы монографии Л. Е. Янгутова и А. Н. Игнатовича (учение доктринальных школ китайского и японского буддизма). Проблемы духовной культуры древней Кореи рассматривались нами преимущественно с опорой на работы М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич.

Объект исследования: письменные памятники дальневосточной историографии.

Предмет исследования: ХКЧ, а также текстологически связанные с ним произведения.

Цель исследования: всесторонний источниковедческий анализ ХКЧ. Данная цель конкретизирована в следующих *задачах*:

- ввести в научный оборот ХКЧ — памятник средневековой корейской буддийской историографии;
- выявить специфику дальневосточных текстовых источников и определить методику интерпретации ХКЧ с позиций современной философской герменевтики;
- проанализировать сюжеты ХКЧ в контексте событий ранней истории Кореи и установить основные факты биографии Какхуна — автора ХКЧ;
- охарактеризовать базовые текстологические варианты ХКЧ;
- изучить внутреннюю структуру ХКЧ, рассмотреть вопросы, связанные с реконструкцией утраченной части текста памятника;
- установить особенности манеры работы Какхуна с источниками и оценить степень соответствия первоисточникам текста ХКЧ в целом.

Основная гипотеза исследования: ХКЧ является вполне надежным историческим источником, который сохранил до наших дней уникальные сведения по ранней истории Кореи, содержащиеся в более древних (ныне утраченных) памятниках корейской историографии.

Методология и методы исследования. В диссертации применялись общенаучные методы исторического исследования: историко-культурный анализ, проблемно-тематический анализ, сравнительно-текстологический анализ.

Источниковая основа диссертации охватывает три класса текстов (в оригиналах и переводах на корейский, английский и русский языки):

- Исследуемый памятник (ХКЧ).
- Прямые и косвенные источники ХКЧ («Исторические записи трех государств», «Лянские жизнеописания достойных монахов», «Танские жизнеописания достойных монахов», «Сунские жизнеописания достойных монахов», «Жизнеописания достойных монахов Великой Тан, искавших Закон [в] западных пределах»).
- Памятники дальневосточной историографии, включающие информацию, способствующую прояснению сюжетов ХКЧ («Деяния, оставшиеся [от] трех государств», «Исторические записки», «История Поздней Хань», «История северных [династий]», «История южных [династий]», «История Суй», «Записки [о] буддийских странах», «Повествование [о] путешествии [в] пять индийских царств», «Записи [о] деяниях древности»).

Общее количество источников, проанализированных в работе, составляет пятнадцать наименований.

Новизна результатов исследования:

- введен в научный оборот полный русский перевод ХКЧ;
- на базе анализа общих проблем интерпретации текстовых исторических источников определена методологическая основа исследования текста ХКЧ;
- подробно рассмотрены сюжеты ХКЧ в связи с событиями ранней истории Кореи, реконструированы биографические данные Какхуна и уточнена датировка его произведения;
- описаны основные текстологические варианты ХКЧ и разработана методика трактовки расхождений между ними;
- выявлены базовые категории жизнеописаний, входящих в состав ХКЧ, а также критически рассмотрены гипотезы, касающиеся реконструкции содержания не сохранившейся до наших дней части памятника;

- на основании исследования особенностей работы Какхуна с источниками оценена степень аутентичности содержащихся в тексте ХКЧ цитат из ныне утраченных памятников.

Научно-практическая значимость результатов исследования. Теоретические результаты исследования и его содержательные разделы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории и источниковедению стран Азиатско-Тихоокеанского региона, по древней и средневековой истории Кореи, а также по истории и культуре корейского буддизма.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях. Результаты исследования были представлены в сообщениях на годичных научных сессиях Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (2002, 2004, 2005, 2006), а также на конференции «Актуальные проблемы корееведения» (СПб., 23–24 мая 2000 г.), на конференции «Корейский язык, литература, культура. Взгляд из Санкт-Петербурга» (СПб., 9–10 октября 2003 г.), на международной конференции «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы» (СПб., 4–6 апреля 2006 г.) и на Вторых Доржиевских чтениях «Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство» (СПб., 9–11 ноября 2006 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Приложений и списка литературы, включающего 162 названия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, характеризуется степень ее изученности, определяются цель, задачи и методы исследования, а также дается краткое описание его источниковой базы.

В первой главе, «**Общая характеристика «Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря»**», рассматриваются вопросы, связанные с методикой интерпретации, обстоятельствами создания и внутренней структурой ХКЧ.

Первый параграф, «**Интерпретация текстовых источников как общая проблема историографии**», посвящен описанию базовых особенностей дальневосточной исторической литературы.

Параграф открывается общим обзором проблем анализа текстовых источников. С точки зрения современной философской герменевтики, истолкование исторических текстов предполагает выделение в них

многоуровневой системы смыслов. На практике это означает, что, во избежание ошибок и искажений, надлежит интерпретировать текст в рамках культурных кодов как страны и эпохи его создания, так и страны и эпохи развития описываемых в нем событий. Здесь исследователь сталкивается с герменевтическим кругом, «целое» в котором представлено культурным контекстом эпохи, а «часть» — изучаемым памятником.

Определяя основные особенности духовной культуры дальневосточного региона, можно отметить, что в Китае государственные структуры мыслились вписанными в космический порядок. Будучи сакральной сама по себе, власть императора не нуждалась в дополнительном освящении со стороны религии и церкви, и поэтому древний Китай не знал не только церкви как самостоятельного общественного института, но и религии как независимого от государственной идеологии феномена. Поскольку государственная идеология традиционного Китая, являясь нерелигиозной по своему характеру, не имела возможности доказать легитимность своих основных положений ссылкой на соответствующее волеизъявление сверхъестественных сил, ей оставалось обосновывать свои постулаты путем апелляции к историческим прецедентам. В этом заключается причина возникновения характерного для Китая «культта истории».

Каноны классической китайской историографии были в той или иной степени заимствованы другими народами Дальнего Востока, в том числе и корейцами. Далеко не все корейские историки, однако, считали нужным скрупулезно следовать выработанным в Китае принципам отбора и подачи материала. Стремление наполнить оригинальным содержанием заимствованные литературные формы особенно ясно прослеживается в произведениях буддийских авторов, которые были гораздо менее, чем их конфуцианские коллеги, стеснены официальными требованиями жанра. Значительная часть зафиксированного в их сочинениях исторического материала носит явные следы обработки в фольклорно-мифологическом духе. Мифологизированность корейской буддийской историографии, однако, совсем не означает ее неисторичности и непригодности для научного исследования. Напротив, присутствующий в ее памятниках фольклорный элемент открывает современным исследователям широкие возможности для реконструкции исторических фактов.

Говоря о сохранности памятников китайской и корейской историографии, следует отметить, что, несмотря на то, что носители дальневосточной культурной традиции относились к древней литературе с величайшим пietетом, им была практически чужда идея неприкосновенности текста. Именно в силу каноничности памятника его можно и нужно было корректировать, восстанавливая текст в том виде, в каком он был создан почитаемыми мудрецами древности. Эти реконструкции следует отличать от апокрифов в узком смысле этого слова,

то есть откровенно поздних сочинений, приписываемых известным авторам предшествующих эпох. Хотя апокрифы были достаточно широко распространены в Китае и играли заметную роль в процессе адаптации буддийской идеологии к локальному культурному субстрату, в их число входили преимущественно произведения религиозно-философского характера, представляющие мало интереса как исторические источники.

Отдельно анализируется языковая форма китайских текстов, которая в значительной мере обуславливает используемый дальневосточными авторами способ категоризации и структурирования действительности.

В конце параграфа делается заключение о конкретных особенностях дальневосточной историографической традиции, которые следует учитывать при работе с текстовыми источниками.

Во втором параграфе, «Исторический фон “Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря”», дается краткий очерк истории буддизма в Корее с IV по XII в., а также реконструируется биография Какхуна — автора ХКЧ.

В начале параграфа рассматривается вопрос о времени проникновения буддийского учения в раннесредневековые корейские государства Когурё, Пэкче и Силла. Традиционная историография относит начало истории буддизма в Когурё к 372 г., а в Пэкче — к 384 г. Свидетельства китайских источников (подтверждаемые данными ХКЧ) говорят, однако, о том, что буддийская община существовала в Когурё уже в середине IV в.

Хронологический разрыв между временем реального знакомства населения с буддизмом и датой признания этого учения властями был особенно ощутим в государстве Силла, которое по причине своего сравнительно изолированного географического положения приобщилось к китайской культуре гораздо позже своих соседей. Согласно «Историческим записям трех государств», буддизм был официально принят в Силла только при Попхын-ване (514–539). В источниках, однако, встречаются многочисленные упоминания о некоем монахе по имени Адо, который проповедовал силлассцам задолго до указа Попхын-вана. Возможно, в полулегендарной фигуре Адо слились воспоминания о множестве реальных буддийских проповедников, на свой страх и риск действовавших в Силла в IV–V вв.

Внимание, оказанное буддийскому учению правителями Силла, было далеко не бескорыстным. VI век был временем окончательного становления государства Силла и начала активной борьбы последнего за гегемонию на Корейском полуострове. Силласские государи надеялись, что новая вера поможет им в их начинаниях. И буддисты, следя за заимствованному из Китая стереотипу отношений между *санхой* и государством, вполне оправдывали надежды, возлагавшиеся на них властями, содействуя им по

мере сил в деле управления страной. К середине VII в. в Силла сформировалась концепция «буддизма, охраняющего государство», приверженцы которой считали, что конечной целью деятельности *сангхи* должно быть обеспечение внутренней стабильности в стране и успеха во внешнеполитических делах.

Установление власти новой династии Корё ознаменовало дальнейшее упрочение позиций буддизма в Корее. Основатель Корё, государь Тхэчжо (918–943), приписывал свои политические успехи особому покровительству со стороны будд. Отношение Тхэчжо к буддийскому учению разделялось и его преемниками, сделавшими буддизм основной идеологической опорой своей власти. Результатом этого было быстрое повышение социального статуса и усиление экономического могущества буддийской общины.

Щедро расточаемые двором милости, однако, оказали корейской *сангхе* плохую услугу, привлекая в нее значительное количество людей, руководствующихся сугубо мирскими интересами. Обусловленное этим падение нравов монашества вызвало резкую критику со стороны тех представителей *сангхи*, что сохранили верность высоким идеалам буддийского учения. В эпоху Корё развернулась деятельность целой плеяды выдающихся реформаторов буддизма, среди которых можно упомянуть Кюнё (923–973), Тэгак-кукса Ыйчхона (1055–1101) и Пуриль Почжо-кукса Чинуля (1158–1210). Современником последнего был Какхун, автор ХКЧ.

О личности Какхуна нам известно сравнительно немного. К сожалению, его биография, даже если она когда-либо и существовала, не дошла до наших дней, и поэтому нам остается искусственно реконструировать его жизнеописание, полагаясь на весьма скучные упоминания, рассеянные по широкому кругу источников. Основополагающие сведения о Какхуне содержатся в открывающем текст ХКЧ кратком сообщении, из которого явствует, что автор этого сочинения был ученым монахом, занимавшим высокий пост настоятеля столичного монастыря Ёнхонса. Кроме того, анализ краткого упоминания о Какхуне в сборнике повествовательных миниатюр-ихэсоль «От скуки», принадлежащем кисти Ли Иинно (1152–1220), показывает нам, что Какхун, скорее всего, был младше этого автора по возрасту, то есть родился после 1152 г. Значительный интерес представляет также упомянутый в данном источнике псевдоним Какхуна, содержащий аллюзию на «Исторические записки» Сыма Цяня. Эта аллюзия свидетельствует о том, что автор ХКЧ получил в свое время весьма основательное светское образование, продолжавшее определять его мировоззрение даже после пострижения в монахи. Наконец, приводимое Ли Иинно сравнение Какхуна с китайским поэтом Цзя Дао позволяет нам сделать некоторые предположения о тематике стихов Какхуна, которые, к сожалению, не дошли до наших дней, хотя, как нам известно из

«Дополнений [к] собранию “[От] скуки”» литератора Чхве Ча (1186–1260), сочинения Какхуна в свое время составляли целый сборник.

В авторском предисловии к ХКЧ указывается, что оно было составлено в 1215 г. Этую дату обычно относят к памятнику в целом, хотя, как следует из информации, содержащейся в произведении современника и друга Какхуна, литератора Ли Кьюбо (1168–1241) «Последовательно рифмую, [вторю стихотворению] наставника Мунсона “Оплакиваю ‘главенствующего [в] собрании’ [наставника] Кагволя”», работа Какхуна над ХКЧ в действительности продолжалась до самой смерти автора. Данное стихотворение датируется 1220 г., из чего можно заключить, что Какхун завершил свое сочинение в самом конце 1210-х гг. или даже в 1220 г.

Труд Какхуна составляет органическую часть обширного корпуса буддийской историографической литературы, сложившегося за тысячу лет на Дальнем Востоке. Первым крупным ее произведением были «Лянские жизнеописания достойных монахов» (VI в.), которые впоследствии послужили образцом для «Танских жизнеописаний достойных монахов» (VII в.) и «Сунских жизнеописаний достойных монахов» (X в.). Влияние китайской литературной традиции определило как название, так и внутреннюю структуру ХКЧ. Фактический материал Какхун черпал из целого ряда корейских и отчасти китайских источников, среди которых, помимо трех уже упоминавшихся «Жизнеописаний достойных монахов», можно назвать такое хорошо известное современным исследователям произведение, как «Исторические записи трех государств» (XII в.), а также китайское сочинение «Жизнеописания достойных монахов Великой Тан, искающих Закон [в] западных пределах» (VIII в.). Автор ХКЧ широко цитировал не только известные нам исторические труды, но и многие ныне утраченные источники, в числе которых можно назвать «Предания [о] необычном», «Стихотворную историю», «Записки старца», «Историю страны» и т. д. В ХКЧ нашли свое место и различные эпиграфические материалы, а также записанные самим Какхуном предания и легенды.

Параграф завершается выводами, которые суммируют данные о месте буддизма в раннесредневековом корейском обществе, а также подытоживают реконструированные в ходе исследования факты, касающиеся биографии Какхуна и обстоятельств создания ХКЧ.

Третий параграф, «Внутренняя организация текста “Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря”», содержит описание дальнейшей судьбы ХКЧ, характеристику существующих ныне текстологических вариантов этого памятника, а также анализ его внутренней структуры.

Параграф начинается с рассмотрения истории текста ХКЧ. Произведение Какхуна было достаточно широко известно на протяжении по крайней мере

первых четырех столетий своего существования, но впоследствии было забыто и едва не утеряно. Часть введения ХКЧ в современный научный оборот принадлежит настоятелю монастыря Хэйнса по имени Ли Хвегван, обнаружившему в начале XX в. ветхую рукопись, содержавшую два первых свитка сочинения Какхуна. Копии с этого текста вскоре получили распространение среди специалистов. В настоящее время, однако, «список Ли Хвегвана» считается утраченным. Самой ранней, полной и авторитетной из сохранившихся до наших дней рукописных копий ХКЧ считается «список Асами» (библиотека университета Беркли, Калифорния). Другим доступным современным исследователям рукописным экземпляром ХКЧ является «список из хранилища Кючжангак» (библиотека Сеульского государственного университета). Этот экземпляр, однако, изобилует множеством описок. Третий и последний из ныне существующих рукописных вариантов ХКЧ, «список из университета Корё», является простой копией со «списка из хранилища Кючжангак». Судьба всех прочих текстологических вариантов ХКЧ, находившихся в обращении в начале XX в., неизвестна.

Первым современным изданием ХКЧ является публикация текста этого памятника в составе «Полного [собрания] буддийских сочинений Великой Японии» (1917). Основой для него послужила копия, снятая механическим путем со «списка Асами». Эта версия текста ХКЧ была затем воспроизведена еще раз в «Трипитаке, вновь отредактированной [в эру] Тайсё» (1927). Данное издание достаточно точно следует тексту «списка Асами», отличаясь от него лишь отдельными ошибками технического характера. Первая публикация ХКЧ в Корее была предпринята историком Ли Нынхва (1869–1945), который включил отрывки этого произведения в свою «Полную историю корейского буддизма» (1917). Сравнение «издания Ли Нынхва» с другими рукописями и ранними публикациями ХКЧ показывает, что текст сочинения Какхуна подвергся в нем довольно заметной «редактуре». Через десять лет ХКЧ был опубликован известным корейским филологом и историком Чхве Намсоном (1890–1957) в журнале «Пульгё» (1927, № 37). «Издание Чхве Намсона», судя по всему, прошло еще более тщательную сверку с первоисточниками и позднейшими сочинениями, сопровождавшими внесение в текст памятника соответствующих (иногда весьма значительных) «исправлений».

Между этими текстологическими вариантами ХКЧ существует большое количество расхождений. Тем не менее, попытки некоторых современных исследователей восстановить «правильный» текст памятника, опираясь на данные формально-лингвистического анализа ХКЧ или сопоставления его с соответствующими фрагментами других сочинений, едва ли можно считать корректными, поскольку «правильность» подобного искусственно

сконструированного текста еще не гарантирует его тождества исходной (авторской) редакции текста памятника.

Сохранившийся до наших дней текст ХКЧ состоит из двух свитков, относящихся к разделу «Проповедники [буддийского учения]». Памятник открывается авторским предисловием — «рассуждением», которое содержит краткие сведения из истории распространения буддизма от Индии до Кореи. За этой вводной частью следует восемнадцать полных биографий, некоторые из которых включают в себя самостоятельные вставные жизнеописания. Более половины биографий заканчивается славословиями. По содержанию биографии ХКЧ можно разделить на четыре крупные группы: «проповедники» (монахи, впервые принесшие учение Будды на землю Кореи), «государи» (правители, способствовавшие распространению буддизма в своих владениях), «студенты» (наставники, прошедшие курс обучения в Китае и вернувшиеся на родину с буддийскими текстами, реликвиями и изображениями) и «паломники» (монахи, отправившиеся в Индию для поклонения святыням буддизма). Входящие в состав этих категорий жизнеописания в целом бессюжетны и строятся по общему шаблону со стандартным набором (но варьирующимся числом) элементов, порядок которых, за очень редкими исключениями, стабилен.

Кроме жизнеописаний четырех вышеперечисленных типов, первоначальная версия ХКЧ, возможно, содержала и другие тематические рубрики. Предположение о неполной сохранности интересующего нас памятника подтверждается весьма малым по сравнению с китайскими работами того же жанра объемом текста ХКЧ, а также тем фактом, что в биографии Побуна есть упоминание об отсутствующем в современной версии ХКЧ жизнеописании Чачжана. И наконец, в сборнике «Предания [о] чудесной силе “[Сад]дхарма пундарика [сутры]”» (1331) содержится ссылка на пятый свиток ХКЧ, и поэтому можно определенно утверждать, что авторская версия сочинения Какхуна была больше нынешней минимум на три свитка.

Тематика утраченных частей ХКЧ, к сожалению, очень плохо поддается реконструкции. С уверенностью можно утверждать только то, что, в отличие от китайских «Жизнеописаний достойных монахов», ХКЧ не содержал рубрики, посвященной монахам-переводчикам, поскольку это прямо оговаривается в авторском предисловии.

При ближайшем рассмотрении языка, которым написано произведение Какхуна, оказывается, что текст ХКЧ представляет собой сложную мозаику цитат из самых разнообразных литературных произведений. Прежде всего, это, разумеется, исторические труды, откуда Какхун черпал фактические данные для своей работы. Выдержки из этих сочинений перемежаются в тексте ХКЧ с различными бессюжетными отступлениями — авторскими рассуждениями, славословиями, «психологическими портретами» героев.

Эти интермедии, однако, тоже не вполне принадлежат кисти Какхуна, поскольку они насыщены массой скрытых цитат из произведений китайской классической литературы. Анализ круга источников, из которых были заимствованы фигурирующие в ХКЧ скрытые цитаты, в частности, дает нам возможность ответить на вопрос о подлинности существующего ныне текста этого памятника. Поскольку ХКЧ не содержит ни одной аллюзии на сочинения, которые были написаны после XII в., мы можем почти наверняка утверждать, что находящийся ныне в научном обороте текст ХКЧ действительно был создан в начале XIII в.

Связующим звеном между многочисленными цитатами в тексте ХКЧ служат более или менее пространные пассажи, которые, судя по всему, написаны самим Какхуном. По ним можно сделать несколько замечаний о характерном для этого автора стиле письма. Язык Какхуна отличается сложностью и изысканностью лексики, малым количеством служебных слов, обилием образных сравнений и параллельных синтаксических конструкций, что роднит его со стилем классической дальневосточной поэзии и высокой ритмизованной прозы.

В конце параграфа подытоживаются данные об истории текста и внутренней структуре ХКЧ, делаются выводы о методике интерпретации расхождений между существующими ныне текстологическими вариантами ХКЧ, а также о языке этого памятника.

Во второй главе, «“Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря” как исторический источник», путем текстологического сопоставления ХКЧ с теми использовавшимися Какхуном сочинениями, что сохранились до наших дней, оценивается степень надежности этого памятника как источника по ранней истории Кореи.

Первый параграф, «Биографии корейских паломников в “Жизнеописаниях достойных монахов Страны, что к востоку от моря” и “Жизнеописаниях достойных монахов Великой Тан, искаших Закон в западных пределах”», открывается постановкой проблемы достоверности ХКЧ как исторического источника. Живший на рубеже XII и XIII вв. Какхун физически не мог быть свидетелем событий, происходивших в IV–VII вв. (а именно в эту эпоху развертывается действие его сочинения), и поэтому он вынужден был черпать необходимые для своей работы фактические сведения из целого ряда более ранних произведений буддийской и светской историографии. Практически все использованные Какхуном труды средневековых корейских историков ныне утрачены, что делает проблему установления аутентичности сообщаемых Какхуном сведений особенно актуальной. Для того, чтобы оценить степень достоверности (точнее — соответствия первоисточникам) текста ХКЧ в целом, а также определить

характер изменений, внесенных Какхуном в его сочинение по сравнению с исходными текстами, следует обратиться к текстологическому сопоставлению ХКЧ с теми его источниками, что сохранились до наших дней.

Едва ли не самые обширные извлечения были сделаны Какхуном из «Жизнеописаний достойных монахов Великой Тан, искавших Закон [в] западных пределах» — произведения китайского буддийского паломника И-цзина (635–713), которое содержит более пятидесяти биографий дальневосточных монахов, совершивших путешествие в Индию во второй половине VII в. Несколько жизнеописаний в сочинении И-цзина посвящены корейским паломникам. Именно эти биографии и привлекли внимание Какхуна, включившего их в сильно переработанном виде во второй свиток ХКЧ.

Почти все фигурирующие в произведении Какхуна жизнеописания паломников по объему гораздо больше своих китайских прототипов. Увеличение объема биографий происходит за счет обширных интерполяций, типологически распадающихся на несколько категорий. Чаще всего Какхун добавляет в свой текст похвалы характеру и талантам героев. Кроме того, автор ХКЧ дополняет некоторые жизнеописания ХКЧ сведениями о пути героя из Кореи в Китай и о его деятельности в Китае. И наконец, Какхун охотно расширяет лаконичные сообщения И-цзина, касающиеся путешествия героя из Китая в Индию и его подвигов в Индии. Встает естественный вопрос: откуда автор ХКЧ черпал сведения, которыми он дополнял текст И-цзина? Маловероятно, чтобы корейский автор привлекал для этого данные каких-нибудь вспомогательных письменных источников, потому что он сам непременно упомянул бы об этом, как он делал это в других жизнеописаниях. Трудно также допустить, что в корейской устной традиции во времена Какхуна сохранялись какие-либо независимые от литературных источников предания о ходивших в Индию паломниках. Вместе с тем, хотя эти интерполяции и не основаны на данных каких-либо внешних источников, они ни в коем случае не являются плодом досужего вымысла автора ХКЧ. Какхун не выдумывает факты, а добросовестно реконструирует их на основе имеющихся у него данных, экстраполируя на жизнеописания корейских паломников информацию, полученную из других фигурирующих в сочинении И-цзина биографий, а также прибегая к элементарным логическим умозаключениям.

Кроме крупных вставок, Какхун вносит в исходный текст и такие модификации, которые не связаны с ощутимым увеличением или уменьшением его объема. Так, легко заметить, что последовательность биографий в ХКЧ отличается от принятой в сочинении И-цзина. Кроме того, написание некоторых имен собственных в произведении Какхуна не совпадает с китайским первоисточником. Маловероятно, чтобы эти никак не

оговоренные и не мотивированные изменения были сделаны самим корейским автором, который более чем осторожно относился к вопросам орфографии имен. Вероятнее всего, причиной этих несовпадений является обычная невнимательность позднейших средневековых переписчиков. Кроме того, в жизнеописании Хеопа Какхун допускает одну смысловую ошибку. Вполне закономерно сочтя не укладывающийся по своему значению в общий контекст отрывка иероглиф «чистый» сокращением от какого-то имени собственного, Какхун ошибочно восстанавливает его, приняв данный знак за часть китайского названия «Вималакирти-нирдеша сутры», хотя в действительности он представляет собой второй компонент имени И-цзина.

Сделанные Какхуном сокращения обычно имеют характер простой стилистической правки. Иногда, однако, он удаляет из исходного текста весьма значительные по объему и содержанию отрывки. Пытаясь найти объяснение молчанию, которым корейский автор обходит некоторые эпизоды из жизни своих героев, мы можем предположить, что при работе над ХКЧ Какхун полагался исключительно на свою память и не считал нужным сверяться по ходу дела с текстом источника. В таком случае получит объяснение и расхождение последовательности биографий в сочинениях И-цзина и Какхуна.

Отдельно от прочих жизнеописаний проанализирована биография монаха по имени Сюань-чжао/Хёнчжо. Специфика ее заключается в том, что, кроме имени главного героя, между «китайской» и «корейской» версиями этого жизнеописания нет решительно ничего общего. Естественно напрашивающееся предположение, что в них повествуется о двух разных людях, опровергается тем, что персонаж с именем Сюань-чжао/Хёнчжо упоминается в других биографиях обоих памятников в практически идентичных контекстах. Также приходится отбросить гипотезу о том, что здесь мы сталкиваемся с осознанной подтасовкой фактов со стороны автора ХКЧ. Остается заключить, что мы имеем здесь дело с непреднамеренной ошибкой корейского историка, который, пересказав жизнеописания первых четырех корейских паломников, обратил внимание на то, что рядом с именами двух из них постоянно упоминается имя некоего наставника Хёнчжо, и весьма осторожно реконструировал его биографию, исходя из предположения, что этот паломник тоже был силласцем.

В заключение формулируется вывод о том, что сделанные Какхуном вставки неискажают смысла исходного текста и не снижают ценности ХКЧ как исторического источника, поскольку они основаны на вполне логичных умозаключениях корейского автора и при необходимости могут быть легко вычленены из текста благодаря своей своеобразной стилистике. Что касается сокращений, то можно высказать предположение, что в других биографиях этого памятника, действие которых происходит среди знакомых

автору ХКЧ дальневосточных реалий, тенденция к элиминации трудно запоминающихся эпизодов оригинала окажется намного слабее.

Второй параграф, «Биография Тань-ши в “Жизнеописаниях достойных монахов Страны, что к востоку от моря” и “Лянских жизнеописаниях достойных монахов”», включает в себя сравнительный анализ жизнеописания монаха-проповедника Тань-ши в ХКЧ и «Лянских жизнеописаниях достойных монахов», составленных китайским монахом Хуэй-цзяо (VI в.). В начале параграфа формулируется основная задача исследования: выяснить, какую именно трансформацию претерпел в изложении корейского автора текст китайского источника, содержащего сюжетное повествование, построенное на чисто дальневосточном материале.

«Китайская» и «корейская» версии жизнеописания Тань-ши текстологически очень близки между собой, что резко отличает их от параллельных биографий в ХКЧ и сочинении И-цзина, совпадения между которыми часто ограничиваются всего лишь несколькими иероглифами. Как и в случае с «Жизнеописаниями достойных монахов Великой Тан, искавших Закон [в] западных пределах», Какхун заметным образом расширяет текст китайского первоисточника, вводя в него словословие, а также исторический экскурс, в котором он недвусмысленно полемизирует с Хуэй-цзяо, давая понять, что когурёцы, среди которых проповедовал Тань-ши, вовсе не были такими невежественными варварами, какими они, судя по всему, представлялись малознакомому с корейскими реалиями китайскому автору. Остальные добавления Какхуна представляют собой небольшие по объему (как правило, не превышающие десяти иероглифов) вставки, составляющие весьма малую долю от общего объема текста. Как правило, эти дополнения конкретизируют смысл соответствующих фрагментов первоисточника, усиливая выразительность текста и его эмоциональное воздействие на читателя.

Содержание интерполяций, сделанных Какхуном, дает возможность косвенным образом определить круг источников, которыми располагал автор ХКЧ. Так, например, один из эпизодов жизнеописания Тань-ши — предание о путешествии некоего Ван Ху в загробный мир — зафиксировано также в сборнике «Вести [из] потустороннего мира», принадлежащем кисти китайского буддиста-мирянина Ван Яня (ок. 450—ок. 500). Мы можем, однако, с уверенностью утверждать, что Какхун не был знаком с этим сочинением, поскольку мелкие подробности, опущенные Хуэй-цзяо в ходе редакторской обработки этой легенды, восстановлены в ХКЧ совершенно произвольно.

Интересно проанализировать характер некоторых лексических замен, сделанных Какхуном при переработке текста оригинала. Так, например, автор ХКЧ практически везде подставляет вместо имени Тань-ши слово

«наставник», что, возможно, свидетельствует о подчеркнуто уважительном отношении корейского историка к своему герою. Кроме того, Какхун называет местом подвижничества Тань-ши «горы», в то время как в китайском оригинале речь идет о «горах [и] болотах». Общеизвестно, что традиционная корейская система мировоззрения строилась на основе четкого противопоставления профанного мира долин сакральному миру гор. Как следствие, буддийская религиозная практика настолькоочно прочно ассоциируется в сознании корейцев именно с горами, что представить себе монаха, который бы предавался аскезе в «болотах», Какхун просто не мог.

В помещенных в конце параграфа выводах отмечается, что в жизнеописании Тань-ши в полной мере проявляются все уже установленные на материале биографий паломников особенности работы Какхуна с источниками (тенденция к расширению исходного текста гипердетализированными вставками, сочетающаяся с достаточно корректной манерой реконструкции фактов). Специфика данной биографии заключается в том, что, как и предполагалось, жизнеописание Тань-ши (сюжетное повествование, основанное на хорошо знакомом Какхуну китайском материале) текстологически стоит гораздо ближе к своему первоисточнику, чем рассматривавшиеся в предыдущем параграфе биографии паломников. Работая с текстом «Лянских жизнеописаний достойных монахов», Какхун не сделал ни одной заметной купюры, которая способна была бы существенно искажить смысл текста. Следовательно, можно предположить, что, передавая данные корейских источников, Какхун тем более не мог допустить в своем сочинении каких-либо «ошибок воспроизведения».

В третьем параграфе, «Биографии Попкона и Побуна в “Жизнеописаниях достойных монахов Страны, что к востоку от моря” и основные анноты Попхын-вана и Чинхын-вана в “Исторических записях трех государств”», сопоставляются данные о Попхын-ване (монашеское имя — Попкон) и Чинхын-ване (монашеское имя — Побун), содержащиеся в ХКЧ и «Исторических записях трех государств» — официальной династийной истории Когурё, Пэкче и Силла, составленной в 1145 г. группой ученых под руководством сановника-конфуцианца Ким Пусика (1075–1151).

Параграф начинается с рассмотрения вопроса о том, являются ли «Исторические записи трех государств» непосредственным источником этих жизнеописаний ХКЧ. Сопоставление перечней цитируемых в соответствующих отрывках ХКЧ и «Исторических записей трех государств» произведений показывает их значительное сходство, а параллельные места обоих памятников чрезвычайно близки между собой в текстологическом плане. Принимая во внимание эти соображения, мы можем сделать вывод, что Какхун, несомненно, работал практически с тем же кругом сочинений,

что и Ким Пусик. Более того, у нас есть все основания полагать, что автор ХКЧ цитировал некоторые произведения не непосредственно по оригиналам, а по тексту «Исторических записей трех государств» (например, в повествовании о хваранах). Следовательно, задача, стоящая перед нами, может быть сформулирована так: в каком ракурсе буддийский автор, опираясь на те же источники, что и его конфуцианский коллега (или даже прямо используя сочинение последнего) освещал исторические события?

Различие принятых Какхуном и Ким Пусиком принципов отбора данных вызвано, прежде всего, несовпадением жанров, в которых работали эти авторы. В то время как «Исторические записи трех государств» являются официальной династийной историей, ХКЧ представляет собой собрание жизнеописаний. Как следствие, информация в этих текстах структурирована по-разному. Приводимые в произведении Ким Пусика сведения сгруппированы по строго хронологическому принципу — по эпохам и годам правления государей, в то время как жизнеописания в сочинении Какхуна конструируются из самостоятельных эпизодов, связанных между собой исключительно личностью центрального персонажа.

Кроме требований жанра, различия между произведениями Какхуна и Ким Пусика продиктованы также несходством мировоззренческой позиции их авторов. Ортодоксальный конфуцианец Ким Пусик более чем сдержанно относится ко всему, что выходит за рамки китайских представлений об «этикете», а буддист Какхун, напротив, глубоко интересуется родной историей и культурой.

Расхождение позиций Какхуна и Ким Пусика было вызвано еще и контрастом между интеллектуальным климатом эпох, в которые жили и работали эти два историка. Произведение Ким Пусика было завершено в 1145 г., в то время как Какхун составил свое сочинение в 1215–1220 гг., то есть как раз в те годы, когда образованные корейцы впервые начали по-настоящему задумываться над своим культурным наследием.

Несходство подхода Какхуна и Ким Пусика к историческим событиям ярко выражается в использовавшихся этими авторами принципах отбора материала. В то время как автор «Исторических записей трех государств» в подробностях описывает внешне- и внутриполитическую деятельность правителей, Какхун лишь вскользь касается их гражданской миростроительной деятельности, совершенно опуская всю информацию, касающуюся войн и внешних сношений. Помимо сравнительного безразличия к вопросам политики, автор ХКЧ не проявляет особого интереса и к пунктуально приводимым в труде Ким Пусика цифровым статистическим данным и датам.

Сопоставляя взгляд Какхуна и Ким Пусика на освещаемые ими события, небезынтересно будет также рассмотреть позицию этих авторов относительно древней корейской религии. Автор ХКЧ, несмотря на свою

подчеркнутую терпимость к местным добуддийским верованиям, не упоминает в своем произведении о жертвоприношении, совершенном Попхын-ваном в 516 г. в святилище местных божеств. Скорее всего, Какхун обходит молчанием данную церемонию потому, что она включала в себя какие-то элементы, которые могли бы быть негативно оценены его современниками, что шло вразрез с его основной задачей — прославлением своих героев. Вместе с тем, Какхун охотно описывает совершившиеся при дворе буддийские церемонии. Так, он почти без сокращений воспроизводит упоминание о ритуале *пхальгванчхве*, проведенном в 572 г., хотя за этим чисто буддийским с виду мероприятием вполне могли стоять местные религиозные представления.

Кроме того, желая возвеличить корейский буддизм через похвалу его деятелям, Какхун не только сравнивает последних с известными персонажами китайской истории, но и ставит их выше китайцев — позиция, немыслимая для китаецентриста Ким Пусика.

Все перечисленные выше сокращения и вставки имеют своим результатом изменение соотношения объема жизнеописаний: если у Какхуна биография Попкона заметно больше жизнеописания Побуна, то у Ким Пусика ситуация обратная: основные анналы Попхын-вана намного короче основных анналов Чинхын-вана. Ситуацию не меняет даже то, что в основных анналах Попхын-вана имеется повествование о Мукхочжа-Адо, отсутствующее в биографии Попкона: устранение этого фрагмента с лихвой компенсируется расширением вставного жизнеописания Пак Ёмчхока/Ичхадона.

На сравнительном анализе обеих версий этой биографии следует остановиться отдельно, поскольку это может наглядно выявить различия в подходе Какхуна и Ким Пусика к излагаемым ими сведениям. Значительная степень текстологической близости данных отрывков показывает, что оба историка, скорее всего, работали по близким, если не по тем же самим, источникам. Вместе с тем, Ким Пусик заметно сокращает текст, делая его местами попросту неудобопонятным, в то время как Какхун приводит более полный вариант этого эпизода, позволяющий восстановить исходную логику событий. Если из сочинения Ким Пусика неясно, с какой целью Ичхадон просил казни (идея мученичества как таковая вообще не свойственна буддизму), то в версии ХКЧ за самоутверженным поступком Пак Ёмчхока прослеживается четко сформулированный самим Ёмчхоком многоэтапный план, имевший целью продемонстрировать жителям Силла истинность буддийского учения.

Различия жанров, в которых работали Какхун и Ким Пусик, выражились не только в рассмотренном выше изменении принципов структурирования информации и отбора данных, но еще и в разной манере трактовки спорных вопросов. В то время как Ким Пусик, обнаружив в используемых им

источниках какие-либо разногласия, просто механически перечисляет все известные ему варианты описания событий, Какхун активно отстаивает свою точку зрения, прибегая к литературной полемике. В тексте ХКЧ периодически встречаются явно принадлежащие кисти самого Какхуна короткие вставки, которые, на первый взгляд, никак не вписываются в логико-хронологическую структуру повествования. Эти вставки и образуют систему аргументации, использовавшуюся буддийским автором. Дойдя до сомнительного места в пересказываемом тексте, он оставляет на время главную линию повествования и приводит ряд логических доказательств в пользу своей (не высказываемой прямо) точки зрения, предоставляя читателю самому сделать соответствующие выводы. Примером подобной трактовки спорной темы может послужить вопрос об уходе в монахи Попкона/Попхын-вана и Побуна/Чинхын-vana.

Заключительная часть параграфа содержит вывод о том, что, хотя Какхун не приводит прямых ссылок на «Исторические записи трех государств», мы имеем все основания полагать, что произведение Ким Пусика использовалось Какхуном в работе над биографиями Попкона и Побуна, что дает нам право провести сравнение этих двух текстов. Расхождения между произведениями Ким Пусика и Какхуна продиктованы, главным образом, несходством жанров этих сочинений и несовпадением мировоззренческих позиций и методик работы их авторов. Высокая степень текстологической близости тех эпизодов ХКЧ и «Исторических записей трех государств», в которых обоих авторов не разделяют жанровые, идеологические и методологические барьеры, подтверждает наше предположение о том, что число технических ошибок Какхуна при работе с корейским материалом должно оказаться минимальным. Таким образом, мы можем с определенностью утверждать, что ХКЧ представляет собой вполне достоверный исторический источник, адекватно воспроизводящий тексты ныне утраченных памятников, посвященных ранней истории Кореи.

В **Заключении** подводится итог проведенному исследованию и суммируются выводы об историческом фоне сюжетов ХКЧ, личности автора этого произведения, обстоятельствах создания и последующей судьбе ХКЧ, его текстологических вариантах и методике трактовки расхождений между ними, внутренней структуре памятника, а также верности первоисточникам текста ХКЧ в целом.

Диссертация завершается **Приложениями**, в которые включен полный комментированный перевод ХКЧ на русский язык, а также выборочные переводы источников, использованных Какхуном в работе над своим произведением.

Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях:

в монографии:

1. *Какхун. Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон). Исследование, перевод с ханмуна, комментарий и указатели Ю. В. Болтач.* СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 184 с. (11,5 печ. л.);

в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций:

2. *Болтач Ю. В. Некоторые вопросы текстологии «Жизнеописаний достойных монахов Страны, что к востоку от моря» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, № 16 (40). СПб, 2007, с. 30–34;*

в иных научных изданиях:

3. *Болтач Ю. В. Из истории корейского буддизма // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. СПб., 1997, с. 244–256;*

4. *Болтач Ю. В. «Хэдон косын чон» («Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря») — памятник средневековой корейской агиографии // Материалы конференции «Актуальные проблемы корееведения», посвященной 10-летию установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. СПб, 2000, с. 12–14;*

5. *Болтач Ю. В. Биографии монахов-паломников в «Жизнеописаниях достойных монахов Страны, что к востоку от моря» // Материалы конференции «Корейский язык, литература, культура. Взгляд из Санкт-Петербурга». СПб, 2003, с. 7–14;**

6. *Болтач Ю. В. Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань» // Письменные памятники Востока, 2006, № 1 (4), с. 22–45;*

7. *Болтач Ю. В. К вопросу о датировке «Жизнеописаний достойных монахов страны, что к востоку от моря» // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы». Тезисы докладов. СПб., 2006, с. 179–180;*

8. *Болтач Ю. В. Биография монаха Тань-ши в «Хэдон косын чон» и «Лян гао сэн чжуань» // Письменные памятники Востока, 2007, № 1 (6), с. 15–29.*

Подписано в печать 06.09.2007 г. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 50.

Типография Издательства СПбГУ.
199061, г. Санкт-Петербург, Средний пр., 41